

буває відмінною від світлої смуги у житті головного героя. Та і власне шамани, як телебачення, мали доступ до інформації, без якої плем'я (чи суспільство) не могло б існувати.

Таким чином телебачення на даний момент являється ЗМІ, що доступний найбільш широкій аудиторії, отже, не дивно, що воно активно використовується панівними структурами для маніпуляції людською свідомістю. Доступність телебачення і обумовлює легкість маніпуляції свідомістю людини за допомогою описаних методів.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ – ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА

Доп. - Деркач Ж., ПР-54

Наук. кер. – канд. філос. наук, ст. викл. Бушман І.О.

Говоря наверняка не существует никакой философии кроме экзистенциальной. Наука систематизирует явления. Промышленность занимается полезными вещами, а чем же должна заниматься философия как не изучением бытия (существования) и существующих.

Бытие не есть ни эмпирическая реальность, данная нам во внешнем восприятии, ни та система связей, которая конструируется научным мышлением, ни мир умопостигаемых сущностей.

Бытие есть некая изначальная непосредственная, нерасчлененная целостность субъекта и объекта; познаваемое и познающее в их целостности должны совпасть, и бытие может быть постигнуто только через самое себя. При этом в качестве изначального и подлинного бытия выступает переживание субъектом своего "бытия-в-мире". Бытие в этом контексте понимают непосредственно, в виде собственного бытия - существования, то есть экзистенции.

Экзистенция человека есть его "стояние в просвете бытия"; подлинное, т.е. свободное человеческое бытие связывается с "экстатическим" отношением человеческого существа к истине бытия", с "экстатическим стоянием в истине бытия", "выступанием в истину Бытия".

Экзистенция есть промежуточное звено, соединяющее потустороннее бытие с «миром» как ареной повседневного обезличенного существования. Направленность человеческой реальности на Мир означает неподлинное существование, «заброшенность», а стремление к потустороннему "окликание бытия" - подлинное существование. Понимание человеком фундаментальной специфичности своего места, статуса и значения в универсуме (экзистенциальное обеспечение связей и отношений мира, ситуации, исторических событий), осознание им своей участности в бытии, признание своей конечности, хрупкости, свободы и ответственности (без чего невозможно достижение аутентичного существования) сопряжены с ощущением "тревоги", "страха", "тошноты". В этих феноменах содержится побуждение к подлинному существованию. «Страх» в экзистенциальном смысле - это ни в коей мере не малодушие, не физический страх, а метафизический ужас - потрясающее человека прозрение. Здесь важно не психологическое содержание феномена страха, а его онтологический смысл, который заключается в том, что человеку вдруг открылась зияющая бездна бытия. Теперь покоя нет, остался только риск решения, каковое отнюдь не гарантирует успеха. Это и есть «подлинное существование», которое вынести куда труднее, чем бездумное существование в рамках заведенного порядка вещей.

Экзистенция определяется как специфически человеческий способ существовать в мире: в отличие от простого (самотождественного) бытия вещи, человек есть несовпадение с самим собой, присутствие с собой и с миром; он - не некая "устойчивая субстанция", а "бесперывная неустойчивость", "отрыв всем телом от себя", постоянное выступание вовне, в мир. Человек должен постоянно делать себя человеком, его бытие есть постоянная постановка себя под вопрос, и он "должен быть тем, что он есть", а не "просто быть".

Экзистенция определяется как бытие, направленное к ничто и сознающее свою конечность. Структура экзистенции описывается в виде набора модусов человеческого

существования. Такие модусы экзистенции, как забота, страх, решимость, совесть определяются через смерть, как способ соприкосновения с ничто. Поэтому именно в пограничной ситуации человек прозревает экзистенцию как глубочайший корень своего существа. Важнейшим свойством экзистенции является выхождение за свои пределы, или трансцендирование.

С одной стороны трансцендентное - это Бог, и хотя он не познаваем, но все духовное творчество есть выражение стремления к Богу, попытка выразить его, хотя и терпящее крушение из-за невозможности адекватного постижения бога. А продукты этого творчества есть ни что иное, как шифры трансценденции.

С другой стороны трансценденция это ничто, глубочайшая тайна экзистенции.

Личность, является самоцелью, а коллектив при этом выступает лишь как средство, обеспечивающее возможность материального существования составляющих его индивидов. А общество в целом призвано обеспечивать возможность свободного духовного развития каждой личности, гарантируя ей правовой порядок, ограждающий личность от посягательств на ее свободу. Но роль общества, остается, в сущности, отрицательной: свобода, которую оно может предоставить индивиду, является лишь частным ее проявлением - свобода экономическая, политическая и т.д. Подлинная же свобода начинается по ту сторону социальной сферы, в мире духовной жизни личности, где индивиды сталкиваются не как производители материальных благ и не как субъекты правовых отношений, а как экзистенции. Общество, таким образом, лишь ограничивает личность.

По словам Бердяева "личность предполагает существование сверхличного, того, что ее превосходит и к чему она поднимается в своей реализации. Личности нет, если нет бытия выше ее стоящего. Тогда есть лишь индивидуум, подчиняемый роду и обществу, тогда природа стоит выше человека и он лишь часть ее".

Экзистенция есть то, что всегда ускользает от понимания посредством абстракций

Экзистенция есть «внутреннее», которое постоянно переходит во внешнее, предметное бытие. Поскольку предметное бытие выражает собой «неподлинное существование» человека, обретение экзистенции предполагает решающий выбор, посредством которого человек переходит от созерцательно-чувственного способа бытия, детерминированного внешними факторами среды, к «самому себе», единственному и неповторимому.

Экзистенция - это бытийственная характеристика человеческой реальности, поэтому даже на дне падения человек смутно чувствует свою причастность к высшему, как бы ни был он принижен в социальной жизни.

Неподлинное существование стремится к «позитивности», к безграничному самоутверждению за чужой счет.

Подлинное же существование, в противоположность безумной жажде власти, есть признание неотчуждаемой свободы другого наряду с моей собственной свободой - так, чтобы всякий акт моего выбора стал выбором на всех и во имя всех.

Определяя экзистенцию через её конечность, последняя есть временность, точкой отсчёта которой является смерть. В отличие от физического времени — чистого количества, бесконечного ряда протекающих моментов, экзистенциальное время качественно, конечно и неповторимо; оно выступает как судьба и неразрывно с тем, что составляет существо экзистенции: рождение, любовь, раскаяние, смерть и т.д. Экзистенциалисты подчёркивают в феномене времени определяющее значение будущего и рассматривают его в связи с такими экзистенциалами, как «решимость», «проект», «надежда», отмечая тем самым личностно-исторический (а не безлично-космический) характер времени и утверждая его связь с человеческой деятельностью, исканием, напряжением, ожиданием. Историчность человеческого существования

выражается, согласно Э., в том, что оно всегда находит себя в определённой ситуации, в которую оно «заброшено» и с которой вынуждено считаться. Принадлежность к определённому народу, сословию, наличие у индивида тех или иных биологических, психологических и других качеств, всё это — эмпирическое выражение изначально ситуационного характера экзистенции, того, что она есть «бытие-в-мире». Временность, историчность и ситуационность экзистенции — модусы её конечности.

Предметом философии должно стать "бытие", в то время как предмет науки — "сущее". Под "сущим" подразумевается все относящееся к эмпирическому миру, от которого необходимо отличать само бытие. Последнее постигается не опосредствованно (через рассудочное мышление), а лишь непосредственно, открываясь человеку через его бытие, его личное существование, т. е. через *экзистенцию*. В экзистенции как раз и заключена нерасчлененная целостность субъекта и объекта, недоступная ни рассудочно-научному, ни спекулятивному мышлению. В обыденной жизни человек не всегда осознает себя как экзистенцию; для этого необходимо, чтобы он оказался в пограничной ситуации, т. е. перед лицом смерти. Обретая себя как экзистенцию, человек впервые обретает и свою свободу. Свобода состоит в том, чтобы человек не выступал как вещь, формирующаяся под влиянием естественной или социальной необходимости, а "выбирал" самого себя, формировал себя каждым своим действием и поступком. Тем самым свободный человек несет ответственность за все совершенное им, а не оправдывает себя "обстоятельствами". Чувство вины, за все совершающееся вокруг него — это чувство свободного человека (Бердяев).

Свобода - это сама экзистенция, экзистенция и есть свобода.

Свобода это тяжёлое бремя, которое должен нести человек, поскольку он личность. Он может отказаться от своей свободы, перестать быть самим собой, стать «как все», но только ценой отказа от себя как личности. Мир, в который при

этом погружается человек, носит у Хайдеггера название «тап»: это безличный мир, в котором всё анонимно, в котором нет субъектов действия, а есть лишь объекты действия, в котором все «другие» и человек даже по отношению к самому себе является «другим»; это мир, в котором никто ничего не решает, а потому и не несёт ни за что ответственности.

Общение индивидов, осуществляемое в сфере объективации, не является подлинным, оно лишь подчёркивает одиночество каждого перед лицом ничто, которое делает бессмысленной, абсурдной человеческую жизнь, прорыв одного индивида к другому, подлинное общение между ними невозможно.

Единственный способ подлинного общения, который признаёт Камю, — это единение индивидов в бунте против «абсурдного», мира, против конечности, смертности, несовершенства, бессмысленности человеческого бытия. Экстаз может объединить человека с другим, но это, в сущности, экстаз разрушения, мятежа, рожденного отчаянием «абсурдного» человека.

Основное назначение экзистенциализма состоит в том, чтобы в пространстве современной философской мысли, изрезанном сциентизмом и различными формами детерминистского редукционизма, сохранить, заново определить и утвердить специфику человеческого существования (творчество, свободу и личную ответственность).

Всё в мире, в конечном счёте, терпит крушение уже в силу самой конечности экзистенции, и потому человек должен научиться жить и любить с постоянным сознанием хрупкости и конечности всего, что он любит, незащищенности самой любви. Но глубоко скрытая боль, причиняемая этим сознанием, придаёт его привязанности особую чистоту и одухотворённость.